

ТРЕБОВАТЬ С СЕБЯ МНОГО

Я люблю тебя, каждый наступающий день, люблю за все, что дарует жизнь, а еще за то, что наверняка знаю: сегодня, как и вчера, я буду провожать тебя с непреходящим чувством вины перед самим собой. Не столько сделал, сколько хотел, не самые главные слова произнес, не всем помог, кто нуждался в поддержке...

Жизнь артиста достигает своей вершины, когда биением его пульса определяются ритмы сотен человеческих сердец. Но это — редчайшие, считанные мгновения. А если людям в зрительном зале было холодно, неинтересно, безразлично, значит, мы, артисты, в чем-то не достигаем в той части нашей жизни, которая предшествует выходу на сцену.

Есть такие области общественного бытия — к ним, несомненно, относится и театр, — где имеют право работать только люди высоконравственные. Правда, в народе справедливо говорят, что хороший человек — это еще не профессия; надо прежде всего быть мастером. Профессионализм — не просто сумма знаний и навыков, а степень серьезности отношения человека к делу своей жизни, мера ответственности перед обществом.

Я знаю одного очень хорошего артиста, превосходно сыгравшего десятки ролей. Он всегда любил немножко больше себя, чем театр, в себе сомневался капельку меньше, чем в других, не научился до конца ощущать себя частью целого; и эти «чуть-чуть» помешали ему вырасти в крупную личность, необходимую людям и времени.

Талант — это милость природы. Но выше всего я ценю и уважаю в человеке те качества, которые он сам в себе выковал. В коллективном творческом труде, каким является театр, от этих завоеванных, приобретенных личных качеств зависит общий итог. Единичник, даже трижды талантливый, в конце концов и сам проиграет и принесет вред всем. Тут верушима обратная связь: выгодно делу — выгодно тебе, а наоборот.

В актерской среде бытуют понятия: «везучий человек», «счастливое совпадение», «удачно сложившаяся судьба». Грех — не верить в удачу, тем более, что я меняю она хоть и не очень баловала, во все-таки посещала. Каждому человеку жизнь равно или поздно предоставляет возможность переключить свою судьбу. В победители выходит тот, кто сумеет воспользоваться этой единственной возможностью. Мне приходилось встречать одаренных людей, так и состарившихся с «открытым ртом» в ожидании, что кто-то за них все приговорит и разжует. Только если ты собран, мобилизован, творчески готов, ты сможешь схватить удачу в тот миг, когда она окажется рядом. Чистый и звонкий звук струна издаст, когда она натягута.

Я не верю в неудачников и непризнанных гениев. Они произрастают там, где коллектив не живет в напряженной художественной атмосфере.

Вне сосредоточенности, без стражайшей взаимозыскательности творчество невозможно. Был в некоем театре директор, которого любил все за его щедрость, отзывчивость, чуткость. И как его не любить? Приходит актер, накануне побывавший на банкете. Не могу, говорит, сегодня играть, голос не звучит и во-

обще... Не можешь? — сочувствует директор. Ничего, дорогой, не волнуйся. Заменяю тебя. На следующий день в кабинет робко входит другой — этому надо срочно вылететь на съемку. И снова директор вникает в положение: ничего, отменим спектакль.

В обыденной человеческой жизни позиции сдаются тихо и незаметно; маленькие компромиссы, незначительные уступки, едва различимые признаки взаимопустительства разрушают большое дело исподволь, но неотвратимо. Так честный, трудолюбивый директор, беззаветно влюбленный в театр и преданный ему, погубил его неразумной добротой.

Вероятно, слово погубил — слишком сильное. Искривиться может судьба одного человека, но не коллектива. Однако мучительно долго, с тяжелыми осложнениями входила в колею нормальная жизнь сложнейшего организма, где от валаженности каждого из звеньев одинаково зависит общий успех или невсех.

Легче всего переложить вину на другого. Уютно сознавать, что это не ты, а кто-то там другой ошибся, недоумал, не довел до конца. В своей знаменитой речи перед обличьем романа «Рожденные бурей» писатель Николай Островский обратился к своим товарищам по перу с призывом: «Требуйте с меня много и очень много... Я прошу отнестись ко мне, как к бойцу, который может и желает исправить недочеты своей работы». Как бы научиться такому отношению к самому себе... Ведь нравственные основы нашего общества начинаются с тех морально-этических норм, которые каждый установит для себя лично. И если ты строг к себе, ты приобретаешь право взыскивать с других...

Сейчас не только на сцене, но и в жизни, особенно среди молодежи, считается «старомодным» открытое, сильное проявление чувств. Я часто пытаюсь понять: а что таится за полунасмешливой, чуть-чуть скептической, ироничной манерой общения, якобы символизировавшей характер человека двадцатого столетия? Может быть, иные из нас пытаются спрятать свое нежелание или неумение принимать на свои плечи бремя ответственности за судьбы дела и жизни? Есть такая закономерность: тот, кто умеет вставить эффектную реплику, как правило, не способен произнести обоснованную, глубокую речь. То же самое можно сказать и о так называемой «репличной» драматургии, где два-три острых словечка и лихие фразы подменяют серьезный разговор о жизни.

Прокладывать дорогу, как известно, всегда труднее, чем идти по проторенной, а искусство перестает быть искусством без духа первооткрывательства. «Искусство и артисты», — писал Станиславский, — которые не идут вперед, пятятся назад». Наше многонациональное сценическое искусство одержало за последние годы немало побед, и все-таки нельзя не признать, что в чем-то главным мы порой отстаем от быст-

ротекущей жизни. Пусть шага, на полшага, но отстаем. И особенно непростительно, когда это свое отставание выдаем за верность традициям.

То, что добыто и оставлено предками и недавними предшественниками, — наша почва, наш фундамент и капитал. Но если мы будем только снимать с этой сберкнижки, однажды окажемся банкротами.

Величайшие преобразования, происходящие на нашей советской земле, требуют от художника активного вторжения в жизнь сегодняшнюю в высокой гражданской ответственности за судьбы завтрашнего дня. Вместе со всем советским народом трудящиеся нашей республики готовятся сейчас к предстоящему XXIV съезду КПСС и к пятидесятилетию Советской Грузии. Исторические завоевания Октября, героические будни борьбы за коммунизм — вот неиссякаемый источник, откуда мы должны черпать свое вдохновение, чему призваны посвящать свой труд.

...Когда актер выходит на широкую общественную трибуну, он обычно говорит об искусстве. Мне тоже приходилось выступать, спорить по поводу многих и многих насущных проблем сегодняшнего сценического искусства. Мы остро нуждаемся в новых хороших пьесах, посвященных коренным аспектам коммунистического строительства. Мечтаем сыграть большие и сложные роли наших современников. Ощущаем нехватку режиссуры.

Но случилось так, что, когда мне уже перевалило за шестьдесят, мне поручили еще одну, пожалуй, самую сложную из ролей, какие мне доводилось играть. Теперь я — директор Грузинского драматического театра имени Шота Руставели, к которому присоединен и драматический театр города Рустави. Вот и возникла у меня потребность поделиться своими волнениями и тревогами о той части нашей жизни, которая скрыта от зрителей строгой надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Здесь много своих трудностей, которым мы по-мужски смотрим прямо в глаза. Есть большая разнища между громким нахальством крикунов и спокойной, здоровой смелостью, не пасующей перед сложностями жизни, ибо преодоление этих сложностей и составляет высший смысл человеческого бытия. Творческий труд не бывает бременем, хоть редко приносит полное удовлетворение. Верно кто-то сказал, что для истинного художника лучшее его произведение — следующее.

В нашей жизни много специфики, и главная, наверное, заключена в том, что люди, причастные к ней, отдадут делу порой по двадцать четыре часа в сутки. Праздничные дни, обеденные перерывы, ночные часы — все поглощает наша профессия. Коварная профессия, потому что, почувствовав в ней влечение, человек никогда уже ей не изменит. Для того же, чтобы пройти путь от призвания к признанию, требуется вся жизнь целиком. И не просто жизнь, а та, что должна пройти под лозунгом, обращенным к самому себе: «Требуйте с меня много!»

Серго ЗАКАРИАДЗЕ.

ПРАВДА
Г. МОЕНВА

13 DEC 1970